

П. Г.Р. Державин и литературная культура: Диалоги

«ЕКАТЕРИНИНСКО-ДЕРЖАВИНСКАЯ КНИГА» ВИКТОРА СОСНОРЫ: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСКИ АВТОРА С ЛИЛЕЙ БРИК

В.В. Биткинова

*(Саратов, Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского)*

Ключевые слова: историческое эссе, историческая концепция, метод исторического повествования, история публикации, переписка, Г.Р. Державин, В. Соснора, Л. Брик

Основным законченным и опубликованным произведением В. Сосноры о Державине является эссе «Державин до Державина». Помимо этого «певец Фелицы» становится эпизодическим персонажем, а его тексты – источниками двух других больших исторических эссе – «Спасительница отечества» и «Две маски», – образующих с первым своеобразную трилогию, а также нескольких исторических миниатюр.

В журнале «Звезда» за 2012 г. опубликована переписка Сосноры и Лили Брик с ноября 1962 по июнь 1978 г. В ней отразились значимые для обоих пишущих события и проблемы современной литературной жизни: сообщения о публикации, а чаще – непубликации произведений; аргументы противников и обсуждение, кто может помочь в том или ином случае; обмен планами, текстами и мнениями.

Из «державинского текста» первой в письмах Сосноры, 28 мая 1967 г., упоминается статья «Читая Державина» («Не видели моего Державина во 2-м № “Русской речи”? Кое-что осталось» [Соснора 2012, 1: 171]). Статья была опубликована с подзаголовком «Фрагменты» [Соснора 1967: 43], и фраза «кое-

что осталось» позволяет предположить, что в данном случае фрагментарность может быть результатом внешнего вмешательства. Далее, в письме от 24 июля, скорее всего, о продолжении «Читая Державина» говорится: «Державина выкинули из второго журнала в последний момент, как и ожидать того следовало» [Соснора 2012, 1: 173].

Статья в «Русской речи» интересна, в том числе, как претекст «Державина до Державина». В соответствии с направленностью журнала в целом и рубрики «Поэтическая речь», где она была опубликована, основное внимание в ней уделяется «формализму» стихотворца XVIII в. – звукописи, рифме, построению визуального образа и т. п. Однако между «формалистическими» вкрапляются и другие «фрагменты», которые можно назвать «лирическими»: в них «неинтересной азбуке звукописи», «примитивам» звукоподражания и даже «банальной патетике философа» [Соснора 1967: 44, 45, 48] противопоставляются гениальные поэтические прозрения – когда Державин «следует своему истинному призванию – призванию художника» [Соснора 1967: 48]. В этих фрагментах «поэт» (а именно так представлен автор в журнале – «Виктор Соснора, поэт» [Соснора 1967: 43]) размышляет о становлении другого поэта – который «первый в русской поэзии поднял флаг и вышел в океан» [Соснора 1967: 51]. Все «лирические» фрагменты будут включены в «Державина до Державина», в отличие от «формалистических». Нарочитая фрагментарность как композиционный принцип тоже перейдёт в позднейшие эссе (не только державинское), которые так же будут состоять из частей разной тематики с принципиальным нарушением ожидаемых (например, хронологических или тематических) «переходов», с использованием графического разделения.

10 января 1968 г. Соснора сообщает, что «сочиняет биографию Державина» («К марту таки придумаю бедняге биографию. Это будет не больше 8 листов» [Соснора 2012, 1: 175]).

В июне – другая запись: «Я сейчас занимаюсь сплошной историей и биографиями четырёх императоров и одного поэта». Он говорит о некоей, судя по всему, единой «екатерининско-державинской книге»:

«Работа выполнена ещё только наполовину, слишком большая получается <...> книга – свыше двадцати пяти листов, но это (клянусь!) не от графомании, я сконцентрировал всё как можно более компактно <...> на этом материале, скажем, Данилевский, написал не менее ста листов и всё – впустую» [Соснора 2012, 2: 119].

28 мая 1969 г. Брик сообщает, что «наконец получила <...> “Роман”», и делится своими впечатлениями: «Прочла почти не отрываясь, как увлекательнейший детектив. Мне книга необычайно нравится! Она так чудесно написана, так – по-вашему. О Державине может показаться мало, но он абсолютно ясен из всего предыдущего <...> Всё в Вашей книге для меня неожиданно. Всё интересно. Всё страшно. И мне так нравится, как она написана – кажется, что Вы жили в те времена и всё это видели и тогда ещё понимали что к чему. Хотя Вы и ссылаетесь на очевидцев и описателей» [Брик 2012, 2: 128].

Из отзыва Брик следует, что Державин в «романе» отнюдь не был очевидной центральной фигурой. А отдельные фразы из писем обоим адресантов позволяют предположить, что в «екатерининско-державинской книге» уже сложился метод, который станет определяющим в исторических эссе. Во-первых – отказ от традиционной беллетристичности (намного позже, на рубеже XX и XXI веков, Соснора будет говорить: «У меня приём беллетристики был отброшен изначально <...> потому что я так устроен, это моя натура» [Овсянников 2013: 183]). Так, для классического исторического романа не характерны отмеченные Брик ссылки на «очевидцев и описателей». Во-вторых, свой главный принцип обработки исторического материала Соснора определил словами «сконцентрировал всё как можно более компактно». Впоследствии он неоднократно говорил, что суть его прозы – в «конденсате» и «монтаже», а лучшим своим историческим произведением считал эссе «Николай», потому что там он «специально устранил рассказ и не повествовал о событиях, а дал только сами события и только на цитатах, на действии» [Овсянников 2013: 374].

Соснора не случайно обозначил особенности своего стиля через антитезу с популярным литератором второй половины XIX в. Г.П. Данилевским, чьи ро-

маны не только были переполнены описаниями, но и держались на обязательной любовной интриге («Беллетристика: там цель – как можно больше нарасказать. Тут не до языка и стиля», – считает Соснора [Овсянников 2013: 183]). Примечательно, что для выстраивания собственной концепции личности Петра III как парадоксалиста или Василия Мировича как поэта Соснора без указаний на источник использовал ряд сюжетных ходов романа Данилевского «Мирович» (в том числе недостоверных – анахронистичных), однако при единственном упоминании предшественник представлен у него как «писатель <...>, педантичный исследователь архивов», опубликовавший важный документ – «список с предсмертного, донныне нигде не изданного стихотворения Мировича» [Соснора 1986: 193].

Высокая оценка «екатерининско-державинской книги» была важна автору: «Вы даже не представляете, как мне было нерадостно, когда Вам не нравилась моя предыдущая проза, и как я был обрадован, когда Вам понравился мой роман. Помимо всего прочего, это всё-таки многолетний труд с материалами» [Соснора 2012, 2: 129]. Брик казалось, что «в книге нет никакого криминала и можно безболезненно отдать её в любое издательство» [Брик 2012, 2: 128], обсуждалась, в частности, возможность напечатать хотя бы отдельные главы в «Дружбе народов», однако публикация не состоялась.

Скорее всего, именно этот «роман» снова возникает в письмах 1976 г., но речь идёт уже не о целостном тексте, а о частях, оформленных как самостоятельные произведения. 25 мая Соснора интересуется прохождением «моего Петра III» в журнале «Новый мир», на что Брик 7 июня вынуждена ответить: «“Новый мир” не будет печатать Ваш роман <...> Наровчатов резко против. Он сам работал над этой темой, и Ваш роман категорически не нравится ему. В редакции огорчились, стараются напечатать его в другом месте, но пока не решаются сообщить Вам об отказе» [Брик 2012, 3: 154–155]. 14 сентября Соснора сообщал о сложностях с публикацией в журнале «Аврора» «повести о Мировиче (помните из романа о Державине и Петре III?)»: «Длинная, скандальная и позорная история была по всем инстанциям, но повесть отстоял <...> Кастри-

рованная ровно наполовину (конечно же, кастрированы куски лучшие), остался какой-то абсурдный трактат с диалогами, дикость, но – теперь можно драться в издательстве (а читатель, как всегда, мистифицирован!)» [Соснора 2012, 3: 156–157]. В результате повесть под названием «Две маски» действительно была напечатана в 10-м номере «Авроры» за 1976 г., и это была первая (если не считать «Читая Державина») публикация из «екатерининско-державинской книги».

Что же касается собственно Державина, то ещё раньше, 17 января 1973 г., Соснора сообщал, что «закончил набело» «совершенно новую повесть» о нём, написанную для журнала «Нева» [Соснора 2012, 3: 127]. Но 29 ноября ему приходится писать: «“Нева” зарезала повесть, выплатив за неё почти сто процентов. Грозят судом <...> Посмотрим, как они будут доказывать “историческую правду” <...> Главный редактор говорит серьёзно: “Вы исказили историческую и героическую картину того времени! Ведь тогда Суворов взял Альпы и Апеннины!” Я ему говорю, что тогда Суворов ещё простеньким солдатиком в коротких штанишках бегал. А <он> восклицает: “Это ложь! Это дегероизация!”» [Соснора 2012, 3: 140].

В результате в журнале «Нева», но уже в 1984 г., впервые была опубликована «повесть о Петре III» («Спасительница отечества»), а все три исторических повести-эссе из екатерининской эпохи – в книге «Властители и судьбы» 1986 г. Кстати, обвинения в дегероизации и разрушении значимых национально-государственных мифов продолжали звучать. Так, В.И. Буганов обвинял Соснору за фразу о том, что при Елизавете «двадцать лет в России ничего не происходило»: «Автор ничего не заметил», в том числе – «усилий гениального Ломоносова» [Буганов 1985: 168, 169], а при Екатерине – напоминает критик, – было «и бурное развитие промышленности (Россия по выплавке чугуна заняла в то время первое место в мире <...>), торговли, и блистательные победы на суше и на море, и освоение Новороссии...» и т. д. и т. п. [Буганов 1985: 168].

Думается, что изначальным единством «романа» можно объяснить не только общность стиливых и композиционных приёмов трёх исторических эссе (в частности фрагментарность), но и, что более важно, единство проблематики

и концепции: центральные герои всех трёх произведений – Державин, Пётр III, Василий Миревич – выступают в них как антагонисты (жертвы) Екатерины II, а главная проблема, формирующая конфликт, может быть обозначена как «властитель и художник».

Помимо «екатерининско-державинской книги», в переписке фигурируют другие, создаваемые параллельно, прозаические произведения исторической тематики. Например, 20 сентября 1968 г. – «Пишу следующую книгу о России – штук сто очень точно выбранных документов и эссе, охватывающих период от скифов до начала двадцатого века» [Соснора 2012, 2: 122]; 10 июня 1975 г. – «Набрал опять книг по истории – выковыриваю рассказы» [Соснора 2012, 3: 147] и др. Нередко сочинения о далёком прошлом противопоставляются, условно говоря, «современным», представляясь едва ли не вынужденной работой, имеющей большой шанс на публикацию, что вызывает досаду автора. Например, из письма от 10 января 1968 г.: «Мою историческую книгу [стихов – В.Б.], кажется, вот-вот сдадут в производство. Моя современная книга всё ещё девушка <...> т. е. от эвфемизмов к реализму, – договора ещё нет», и там же о «биографии Державина»: «Иных путей напечатать прозу – нет» [Соснора 2012, 1: 175]. И даже «закончив набело» повесть о Державине в 1973 г., автор не испытывает радости: «Дело, наверное, кончится печально: стану заправским державиноведом! На-до-ел он мне!» [Соснора 2012, 3: 147].

В моменты раздражения у Сосноры возникают мысли об использовании исторического антуража чуть ли не в качестве эзопова языка: «Если подумать и похитрить – под марку Державина можно сказать всё» [Соснора 2012, 1: 175]. Однако в «Державине до Державина» главная фигура не становится предлогом для высказывания мыслей автора. Хотя и «биографией Державина» эссе не является – расширение историко-литературного и проблемного контекста в нём безусловно. Уже в статье «Читая Державина» приводятся суждения А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, В.Г. Белинского, однажды для сравнения упоминается А. Блок, однако в конечном итоге это служит только объяснению поэтического языка стихотворца XVIII века. В «Державине до Державина» не просто суще-

ственно расширяется круг упоминаемых авторов – это выводит на размышления об универсальности судеб Поэтов и сущности Поэзии.

О личной значимости для Сосноры жизненного и творческого опыта Державина могут свидетельствовать цитаты, употреблённые в письмах к Брик вне сообщений о профессиональных занятиях. Например, в ответ на беспокойство о здоровье, а заодно и выражая своё мнение по поводу зачастую ханжеского отношения к проблеме «трезвости» творческих людей, Соснора цитирует стихотворение Державина «Мореходец»: «Уж лучше пьяным утонуть, чем трезвым доживать до гроба и с плачем плыть в толь дальний путь» [Соснора 2012, 1: 175]. Здесь, как нередко бывает в переписке близких людей, снижено иронически освещаются особо волнующие автора проблемы – звучащие в художественных произведениях высоким пафосом. И в «Читая Державина», и в «Державине до Державина» именно «Мореходец» (а не «Река времен...», что более традиционно) представлен не просто как один из поэтических шедевров, а как вершина творчества и своего рода итог жизненного пути поэта: «И с плачем плыть в толь дальний путь <...> Это – музыка муки, это – гениально угаданная мелодия отчаяния, это библейский плач на реках Вавилонских, это понимание великим художником своей личности, понимание направления движения своей судьбы по географической карте истории <...> Одна эта строка – уже символ эпохи, и одна эта строка – уже эпопея» [Соснора 1967: 45; Соснора 1986: 55–56]. В позднем эссе данный пассаж вынесен в финал.

А характеристику поэта XVIII века из того же финального «фрагмента» «Державина до Державина» (может быть – из неопубликованных второй части «Читая Державина» или биографической повести) Соснора в письме от 28 марта 1973 г. практически делает автохарактеристикой: «Этот мощный экземпляр человеческой породы, поэт с несчастной и буйной биографией бился, как деревянная бабочка в паутине, в условиях российского существования» [Соснора 1986: 55] – и: «Кроме Асеева и Вас, никто ... не постарался даже хоть чуть-чуть присмотреться к моей литературе; я бился как деревянная бабочка с иголкой-сабелькой в этой атмосфере атомов и анатомии» [Соснора 2012, 3: 131].

Переписка демонстрирует ещё один значимый современный контекст формирования метода исторического повествования Сосноры – то, что В.А. Катанян назовёт «Операцией “Огонёк”». В 1968 г. в журнале «Огонёк» была напечатана статья В. Воронцова и А. Колоскова «Любовь поэта», продолженная затем статьёй Колоскова «Трагедия поэта». В них Осип и Лиля Брики объявлялись «мнимыми друзьями», на них практически возлагалась ответственность за самоубийство Маяковского [Колосков 1968, 26], а Лиле Юрьевне противопоставлялась – как истинная «любовь поэта» – «дочь русских родителей» Татьяна Яковлева [Воронцов 1968: 11].

Соснора оценил «Любовь поэта» как «пасквиль»: «Туманные и пошлые намёки, рассчитанные на офицерских невест. Обыкновенный донос. Жёлтого цвета» [Соснора 2012, 1: 175]. Желая помочь, он загорается идеей написать что-то в ответ: «большую рецензию на эту самую бульварщину» [Соснора 2012, 2: 121], книгу о Маяковском, биографию самой Лили Брик. И эти замыслы интересным образом переплетаются с «екатерининско-державинской книгой». Так, сообщив о завершении «повести о Державине», Соснора пишет: «Кстати, могла бы получиться интересная работа “Державин – Маяковский”. Эти два поэта поразительно похожи и по складу характера (не судьбы – это другое), и по своим общественным тенденциям, и по формальным приёмам. Интересно, как Маяковский относился к Державину и знал ли его хорошо?» [Соснора 2012, 3: 127]. Брик этот замысел не поддержала: «Не думаю, чтобы М<аяковск>ий хорошо знал Державина, и, вероятно, никак не относился к нему. Сейчас не спросишь!» [Соснора 2012, 3: 128]

Предполагаемые книга о Маяковском или Брик в сознании Сосноры тоже, в сущности, являются историческими, поэтому в их обсуждении содержатся сведения, важные для понимания исторического метода автора.

С одной стороны, это лежащая в основе всего строгая фактологичность. В 1968 г., пытаясь по настоянию Брик создать книгу о Маяковском – «о поэте, о человеке...» [Брик 2012, 2: 120], – Соснора сообщает, что уже «довольно много написал после просмотра черновиков “Про это”», но дальнейшее «требуется се-

рьёзной цифровой поддержки», а он «энциклопедически <...> Маяковским никогда не занимался <...> необходимы – цифры и цифры, документы» [Соснора 2012, 2: 121]. А в 1973, делясь замыслом «Легенды о Лиле Брик» (обратим внимание на заглавие-жанр, словно подчёркивающее заведомую «недостоверность»), Соснора пишет: «Работа эта не моментальная, а наоборот – очень серьёзная и кропотливая <...> придётся перевернуть груды воспоминаний и книг, брать интервью и т. д. <...> Пожалуйста, сообщите мне, нет ли кем-нибудь написанной вашей биографии? На любом языке. Могли бы Вы <...> по возможности подробно рассказать вашу биографию и в связи с Маяковским, а в основном – вне его?» [Соснора 2012, 3: 127]. «Энциклопедичность», т. е. обилие фактов, а также точных цифр, является отличительной чертой и исторических эссе Сосноры.

С другой стороны, обращение как к сравнительно недавней, так и к далёкой истории имеет у Сосноры отчётливо выраженную публицистическую, полемическую интенцию – именно её должны поддерживать «цифры и цифры». Так, именно потому, что «Легенда о Лиле Брик» «должна быть сугубо полемика и достаточно точна, придётся перевернуть груды <...> книг» [Соснора 2012, 3: 127]. Противники Брик заявляли о «необходимости» сказать о «мнимых друзьях» Маяковского «своё мнение, основанное на фактах и документах, показать их в истинном, подлинном их виде» [Колосков 1968: 18]. Соснора пишет: «Нужно попробовать хоть раз, основываясь на тех же документах, мудро и со всем запасом затаённой ненависти написать так, чтобы получилось реальное», – а дальше следует признание автора, важное для интересующей нас темы: «Так, мне кажется, без излишнего хвастовства, я написал книгу о Екатерине» [Соснора 2012, 2: 121].

В защиту Брик в парижской газете «Les Lettres Françaises» выступила Эльза Триоле со статьёй «De la vérité historique» («Об исторической правде»), которая начиналась с утверждения: «Её нет, она не существует. Все старания напрасны. Всё можно фальсифицировать – тексты, фотографические документы. Возможны все отклонения от истины, все лжесвидетельства, преднамеренные

или нет, всё можно объяснить, интерпретировать, исказить либо с помощью недомолвок, либо изъятием из текста. Всё зависит от воображения историка, от его мировоззрения, от его веры или отсутствия веры и даже от доктрины, которой он придерживается. Ежедневное чтение газет, этих свидетелей современной истории, подтверждает следующую истину: информация, которую они сообщают нам, по большей части неточна – то ли преднамеренно, то ли в результате деформации, которую претерпевают факты между моментом, когда они происходят, и тем временем, когда нам становится о них известно. Биография, история отдельного мужчины или отдельной женщины страдают от этой неспособности людей точно воспроизвести факты так же, как от этого страдает история всего человечества» [перевод: Катанян 1997: 225]¹.

Получив от Брик перевод статьи Триоле, 3 июня 1968 г. Соснора пишет, что собственные занятия «сплошной историей и биографиями» привели его к тем же выводам: «Для меня было просто поразительно, насколько мои мысли совпадают (и не только мысли, но и формулы и определения) с мыслями письма об исторических процессах, о биографиях, о фальсификациях» [Соснора 2012, 2: 119]. Но важнее всего то, что за откликом на статью следует вывод Сосноры об адекватном – в ситуации сплошной фальсификации – методе исторического повествования: «Видно, сейчас такое время, что осточертели все классифицированные исторические события, что метод версий и игры историей, а значит, и современностью носится в воздухе. История, а значит, и действительность – театр и маскарад, и только от добра или недоброжелательности людей зависит так называемое искусство» [Соснора 2012, 2: 119].

Именно такой метод будет в полной мере и даже декларативно реализован в исторических произведениях Сосноры – вспомним процитированное выше: «основываясь на тех же документах», написать так, чтобы получилось другое – «реальное». Например, композиция «Двух масок» определяется прямым противопоставлением «официальной историографии» и альтернативной автор-

---

¹ За возможность ознакомиться с оригиналом статьи выражаю глубокую благодарность профессору Сергею Алексеевичу Мезину и книговеду Ирине Васильевне Хмелевских.

ской «версии» событий: две части эссе называются «Версия первая: Смерть сумасшедшего и казнь авантюриста» и «Версия вторая: Смерть узника и казнь поэта», а на стыке заявлен ключевой для автора тезис: трижды повторённое «Все факты остаются» и дальше – «Факты – важны. Но не менее важна и трактовка фактов» [Соснора 1986: 182–183]. В эссе и даже миниатюрах, опубликованных позже, композиционная реализация приёма сопоставления разных «версий» будет более прихотливой, но сам принцип останется сюжетообразующим.

Основная ценность рассмотренной переписки, наверное, заключается в воссоздании актуального социо-культурного и биографического контекста исторической прозы Сосноры – не эксплицированного в самих произведениях. Однако, охватывая период наиболее интенсивной работы над историческими эссе, переписка также позволяет прояснить, наряду с цензурно-печатными, ряд аспектов творческого становления «державинского текста» Сосноры (стилевых, композиционных особенностей, принципов работы с источниками, мотивного состава и общей проблематики), а также формирования авторской художественно-публицистической концепции отечественной истории и представлений об адекватном методе исторического повествования.

Литература

1. Буганов В.И. Два писателя об истории России второй половины XVIII века / В.И. Буганов // Вопросы истории. – 1985. – № 11. – С. 167–174.
2. Воронцов В. Любовь поэта / В. Воронцов, А. Колосков // Огонёк. – 1968. – № 16. – С. 9–13.
3. Катанян В.А. Вокруг Маяковского / В.А. Катанян; подгот. текста и коммент. В.В. Катаняна // Вопросы литературы. – 1997. – № 1. – С. 206–253.
4. Колосков А. Трагедия поэта / А. Колосков // Огонёк. 1968. № 23. С. 26–31; Колосков А. Трагедия поэта / А. Колосков // Огонёк. – 1968. – № 26. – С.18–22.
5. Овсянников В. Прогулки с Соснорой / В. Овсянников. – Санкт-Петербург: Скифия, 2013. – 752 с.
6. Переписка Виктора Сосноры с Лилей Брик / В.А. Соснора, Л.Ю. Брик; публикация Я. Ананко // Звезда. – 2012. – № 1. – С. 158–180, № 2. – С. 119–143, № 3. – С. 127–160.
7. Соснора В. Властители и судьбы: Литературные варианты исторических событий / В.А. Соснора. – Л.: Сов. писатель, 1986. – 296 с.

8. Соснора В. Читая Державина: фрагменты / В.А. Соснора // Русская речь. – 1967. – № 2. – С. 43–51.

9. Triolet E. De la vérité historique // Les Lettres Françaises. 1968. № 1232. P.3-4.

**«ЗАПИСКИ» Г.Р. ДЕРЖАВИНА
И «ДНЕВНЫЕ ЗАПИСКИ» П.Н. ОЗНОБИШИНА:
МОТИВ СЛУЖБЫ**

О.М. Буранок

*(Самара, Самарский государственный
социально-педагогический университет)*

Ключевые слова: жанр записок в отечественной литературе, литературная культура России XVIII века, теория мотива

Теория мотивов восходит к работе А.Н. Веселовского «Поэтика сюжетов» [Веселовский 2006]¹ – это, так сказать, праматерь всех последующих размышлений сотен, если не тысяч исследователей по данной проблеме. «Снуются разные положения-мотивы» – вот квинтэссенция определения, данного А.Н. Веселовским [Веселовский 2006: 542].

Мотив – минимальная единица сюжета, «простейший род мотива» вырастает в сюжет, который «как формула лирического стиля, построенная на параллелизме, может приращаться, развивая тот или иной сюжет из своих членов...» [Веселовский 2006: 538].

Осмелимся предположить, что число мотивов не ограничено, как думал великий филолог: это число бесконечно, и бесконечно много их сочетаний, вариаций, комбинаций...

---

¹ Интересное толкование веселовской теории дают новейшие исследователи Е.И. Славутин и В.И. Пимонов: [Славутин, Пимонов 2018]